

незначительного поселения, с трудом борющегося за существование, и в течение следующих двух столетий он совершенно исчезает из истории. Целые населения больших городов уводились в плен монголами или беспощадно истреблялись в случае сопротивления. Как бы в довершение несчастий, постигнувших Россию, вслед за монголами последовали турки, напавшие на Балканский полуостров, и к концу XV века две страны, Сербия и Болгария, при посредстве которых проникла в Россию образованность, попали под иго османов. Вся жизнь России подверглась глубоким изменениям.

До монгольского нашествия вся страна была покрыта независимыми республиками, подобными средневековым городам-республикам Западной Европы. Теперь, при сильной поддержке церкви, постепенно начало образовываться в Москве военное государство, которое, с помощью монгольских ханов, подчинило себе окружающие его независимые области. Главные усилия государственных людей и наиболее активных представителей русской церкви были направлены теперь к созиданию могущественного княжества, которое обладало бы достаточными силами, чтобы сбросить монгольское иго. Прежние идеалы местной независимости и федерации заменились идеалами централизованного государства. Церковь, в ее усилиях создать христианскую национальность, свободную от всякого умственного или нравственного влияния ненавидимых язычников-монголов, превратилась в суровую централистическую силу, безжалостно преследовавшую всякие остатки языческого прошлого. В то же время церковь неутомимо работала над созданием, по византийскому образцу, неограниченной власти московских князей. С целью усиления военной мощи государства было введено крепостное состояние. Вся независимая местная жизнь была задавлена. Идея о том, что Москва является центром церковной и государственной жизни, усиленно поддерживалась церковью, которая проповедовала, что Москва представляет наследницу Константинополя — «третий Рим», единственную местность, в которой сохранилось истинное христианство. В более позднюю эпоху, когда монгольское иго было уже свергнуто, работа консолидации Московской монархии усердно продолжалась царями и церковью, боровшимися против проникновения западноевропейских влияний, с целью предохранить русскую церковь от происков «латынской» церкви.

Эти новые условия неизбежным образом оказали глубокое влияние на дальнейшее развитие литературы. Свежесть и энергическая юность ранней эпической поэзии исчезли навсегда. Меланхолическая грусть и дух покорности становятся с этого времени характерными чертами русской народной поэзии. Постоянные набеги татар, которые уводили целые деревни пленниками в южнорусские степи; страдания этих пленников в рабстве; наезды баскаков, налагавших тяжелые дани и издевавшихся всяческим образом над покоренными; тяжести, налагаемые на народ ростом военного государства, — все это отразилось в народных песнях, окрасив их глубокой печалью, от которой они не освободились и до сих пор. В то же самое время веселые свадебные песни древности и эпические песни странствующих певцов подвергались запрещению, и люди, осмелившиеся распевать их, — жестоко преследовались церковью, которая видела в этих песнях не только пережиток языческого прошлого, но и нечто, могущее дать повод к сближению населения с язычниками-татарами.

Тогдашняя образованность мало-помалу сосредоточивалась в монастырях, из которых каждый являлся своего рода крепостью, в которой спасалось население при нашествии татар, и эта образованность, по вышеуказанным причинам, замыкалась в тесном круге христианской литературы. Изучение природы рассматривалось как ересь, близкая к «волхвованию». Аскетизм превозносился как высшая христианская добродетель, и его восхваление является отличительной чертой тогдашней письменности. Наибольшим распространением пользовались всякого рода легенды о святых, заучивавшиеся наизусть, причем этого рода литература не уравнивалась даже той наукой, которая развивалась в средневековых университетах Западной Европы. Стремление к познанию природы осуждалось церковью, как проявление горделивого ума. На поэзию смотрели как на грех. Летописи потеряли свой прежний воодушевленный характер и превратились в сухой перечень успехов возрастающего государства или же наполнялись мелочами, относящимися к деятельности местных епископов и архимандритов монастырей.

В течение XII века в северных республиках, Новгородской и Псковской, образовалось довольно сильное течение религиозной мысли, склонявшееся, с одной стороны, к протестантскому рационализму и, с другой, — к развитию христианства на основе ранних христианских братств. Апокрифические Евангелия, книги Старого Завета и всякие книги, в которых рассматривался вопрос об истинном христианстве, усердно переписывались и пользовались широким распространением. Но теперь главы церкви в средней России усиленно боролись против всякого рода тенденций, принимавших характер